

Комментарий

Строим «потёмкинские деревни»?

На прошедшей неделе произошло «лобовое столкновение» двух точек зрения относительно вероятности банковского кризиса «плохих долгов» в России. Руководство Банка России – председатель С. Игнатьев и его первый заместитель А. Улюкаев⁹, считают, что второй волны кризиса удастся избежать. «Апологеты» второй волны – министр финансов А. Кудрин и помощник президента А. Дворкович – представляют исполнительную власть.

Понятно, что давая свои оценки обе стороны исходят из лучших побуждений, но такое «раздвоение сознания», несомненно, не идет на пользу власти, которая не первый раз демонстрирует отсутствие единства не только в рецептах борьбы с кризисом, но и в постановке диагноза.

Между тем, по данным Банка России, в феврале совокупный объем просрочки по кредитам вырос на 19% и составил 3,3% от объема выданных кредитов. Анализируя эти данные, стоит учесть, что согласно российским стандартам бухучета в качестве объема просроченной задолженности учитывается только невыплаченный платеж по кредиту и проценты, а по МСФО – вся сумма кредита, по которому допущена просрочка платежа. Для пересчета российских данных в международные, по мнению аудиторов, следует использовать коэффициент 2,5–2,6, что выводит уровень просрочки в российской банковской системе по международным правилам учета на отметку 8,3%–8,5%. Критической отметкой, свидетельствующей о наступлении кризиса «плохих долгов» является уровень в 10%.

Возможно, те, кто видят банковский сектор изнутри, стараются снять избыточное напряжение в банковской системе и уверить всех, в том числе себя, в том, что хуже уже не будет, одновременно с этим, сводя проблему «плохих долгов» исключительно к проблемам бухучета, делая всё возможное для «приукрашивания» банковских балансов. Однако те, кто непосредственно видит реальное положение дел в нефинансовом секторе, видимо, лучше понимают опасность вероятных проблем для экономики в целом, и предпочитают заранее подстраховаться и предупредить о возможных последствиях кризиса.

Между тем, согласно опубликованному на прошедшей неделе «Обзору банковского сектора» в феврале вложения российских банков в ценные бумаги выросли на 27,3%. Рынки в том же месяце выросли незначительно – индекс РТС поднялся на 7,1%, а индекс IFX-CBonds – на 3,5%. Таким образом, объяснить рост стоимости портфеля только переоценкой ценных бумаг не удастся.

Вряд ли можно всерьез предполагать и то, что банки стремительно отреагировали на объявленное 9 февраля решение Центрального Банка о том, что в качестве обеспечения по ломбардным кредитам будут приниматься все акции и облигации, выпущенные компаниями, которые Правительство признало системообразующими. Банки, конечно, могли несколько нарастить объем этих бумаг, но в таком случае непонятен источник средств для таких покупок.

Нам представляется, что в данном случае российские банки пошли по пути, проложенному американскими ещё осенью прошлого года, когда с согласия надзорных органов они приостановили регулярную переоценку своих портфелей ценных бумаг и зафиксировали их по ценам на 1 июля. Возможность такого подхода с недавнего времени закреплена в аудиторских стандартах, да и федеральный закон «О

⁹ Отвечающий не за надзор, а за денежную политику. «Надзорный» заместитель – Г. Меликьян – никак не обозначил свою позицию в данном вопросе.

бухгалтерском учете» разрешает поступать аналогичным образом «если после переоценки результаты деятельности организации будут отражены неправильно».

Если предположить, что в феврале банки вообще не совершали покупок/продаж ценных бумаг, то получается, что балансовая стоимость их портфеля превышает рыночную примерно на 400 млрд. рублей. Очевидно, что на такую же сумму подрос и положительный финансовый результат деятельности российской банковской системы.

Безусловно, такой подход к бухгалтерскому учету невозможен без согласования с Банком России, и, следовательно, это стало очередным шагом российских надзорных органов, направленным на преуменьшение масштабов болезни банковской системы. Обратим внимание на то, что «сколько веревочку не вить, а кончику быть» – уже в ходе стресс-тестов американских банков эта проблема всплыла на поверхность и, похоже, американские банки должны будут отказаться от этой практики.

С. Алексашенко, Е. Минзулин